

тер, преимущественную долю доходов воеводы собирали путем злоупотреблений.

Незаконные пошленные поборы совершали практически все воеводы, и об этом было известно правительству. Правительство лишь имитировало борьбу с воеводскими таможенными поборами, изредка наказывая особенно злостных корыстолюбцев, но, как правило, тут же прощая их. Оно не могло покончить с воеводскими злоупотреблениями по объективным причинам, и дело не только в недостаточных финансовых возможностях государства.

Воеводская должность являлась привилегией правящего сословия. Смысл привилегии заключался в получении доходов на государственной службе за счет управляемого населения, т. е. в кормлении. Кормление обеспечивало рентный доход феодалам, входившим в систему управления. Правительство во главе с монархом направляло на воеводства по просьбам челобитчиков «покормитца», «подкормитца». Более того, составлявшие правительство люди: бояре, окольничие, думные дворяне, дьяки — тоже выезжали на воеводство и тоже «кормились», в том числе за счет незаконных пошленных доходов. Трудно представить, что они могли всерьез наказывать сами себя, своих детей, родственников, тоже призываемых на воеводскую службу, на которой они всегда осознавали себя кормленщиками и тщательно берегли традицию кормления во всей полноте.

Сословно-покровительственная политика феодального государства, противоречивость законодательства, явная или скрытая, вытекали из объективной необходимости сохранять в качестве законного способа оплаты административной службы кормление, которому всегда было имманентно свойственно сочетание легальных и незаконных методов получения доходов.

Примечания

¹ Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 3 («Приговор» земского собора Первого ополчения 1611 года, июня 30. Статья 20).

² Следственное дело о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском во время бытности его воеводою во Пскове // ЧОИДР. М., 1870. Кн. 1. Смесь. С. 1—179.

³ *Богоявленский С. К.* Приказные суды XVII века. М.; Л., 1946. С. 132, 153; *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления XVII столетия. СПб., 1902. С. 221, 460.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. № 743; ДАИ. СПб., 1875. Т. 9. № 51.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. № 325. Л. 700—746.

⁶ *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 476—477.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 2. № 743; ДАИ. СПб., 1875. Т. 9. № 51.

⁸ ПСЗРИ. Т. 1. № 284.

⁹ *Преображенский А. А.* Русское купечество XVII века: Социальный облик, самосознание // Купечество в России: XV—первая половина XIX века: Сб. ст. М., 1997. С. 63—64.

¹⁰ *Кизеветтер А. А.* Заградительные отряды XVII века // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 314—322.

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 285; *Преображенский А. А.* Русское купечество XVII века... С. 64.

¹² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. № 291. Ч. 3. Л. 1063; Приказный стол. № 276. Л. 18, 26, 51.

¹³ РНБ. Q.IV.364. Л. 25—63.

¹⁴ РГАДА. Ф. 141. ПДСЛ. 1665. № 100. Л. 1—21 об.; Ф. 137. Оп. 1. Устюг. № 206-а. Л. 1—114; Оп. 2. № 42. Л. 1—215; № 210. Л. 1—25; № 343. Л. 1—8.

Л. А. Тимошина

ВОЕВОДСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. (на примере городов Устюжской четверти)

Проблемы центрального и местного управления XVII в. давно и прочно занимают одно из основных мест в отечественной историографии. В отношении русских городов этого периода наиболее интересными и вместе с тем дискуссионными являются вопросы определения места в системе городского управления различных ветвей власти — воеводской, земской, таможенной, духовной в сочетании с различной ведомственной подчиненностью отдельных категорий городского населения.

Не пытаясь рассмотреть весь этот сложный комплекс вопросов, остановимся на проблеме соотношения воеводского и таможенного управления. В существующей историографии эта проблема трактуется неоднозначно, и мнения историков по поводу прерогатив власти воевод и таможенных голов в городах расходятся: одни отмечают независимое положение таможенных изб от воевод и запрещают последним вмешиваться в их деятельность¹, другие отрицают возможность самостоятельного функционирования лиц таможенного управления², третьи занимают промежуточную, подчас внутренне противоречивую, пози-

цию, обращая в основном внимание на общий воеводский контроль над деятельностью таможен и на допускавшиеся в этой сфере злоупотребления³.

Подобное разнообразие мнений по вопросам соотношения различных ветвей управления в русском городе XVII в. показывает, что данная проблема далека от своего решения. Думается, что подобная противоречивость суждений определяется, главным образом, источниковой базой исследований, когда за основу берутся случайно выбранные, отдельные, никак не связанные между собой ни хронологически, ни тематически, документы. Поэтому в настоящее время необходим анализ целостных, хронологически сопоставимых между собой комплексов материалов, характеризующих функционирование отдельных отраслей городской власти.

Одним из таких комплексов могут служить записные книги четвертных приказов, ведавших управлением городами различных регионов страны, в которых фиксировалось отправление на места различных документов, определявших должностные полномочия различных представителей городского управления. Изучение проблемы проводилось на основе записной книги приказа Устюжской четверти 1630—начала 1640-х гг. с привлечением ряда документов приказного делопроизводства более раннего времени⁴. Оговоримся сразу же, что взаимоотношения воевод и таможенных голов будут рассмотрены на примере городов, где существовала верная, а не откупная система сбора таможенных и кабацких пошлин, так как последняя имела ряд специфических особенностей, требующих дальнейшего изучения.

Записная книга Устюжской чети позволяет прежде всего установить порядок отправления воевод и таможенных голов к месту службы. На основании имеющихся в ней документов можно констатировать, что сама система замещения старых служителей новыми в отношении и воевод, и таможенных голов, хотя назначение и тех, и других происходило на разных уровнях государственной власти, была принципиально одинакова. Ее механизм был хорошо отлаженным, устоявшимся и сопровождался составлением документов одного и того же вида: наказов из Устюжской чети с определением круга обязанностей и грамот на места предшественникам с сообщениями о назначении новых лиц в съезжую или таможенную избу и с указаниями передать им все текущие дела, составить соответствующие отчетные документы и выехать для отчета в Москву в приказ Устюжской чети. Совершенно одинаковой в обоих случаях была и процедура передачи и приема дел, а также порядок отчетности перед вышестоящей инстанцией.

В соответствии с наказами воеводам предписывалось помогать

таможенным головам в сборе пошлин, но не контролировать его. При этом подчеркивалось, что вся ответственность за своевременное поступление таможенных и кабацких денег лежит исключительно на головах и целовальниках, и все санкции в отношении этих лиц, как поощрение за добросовестную работу, так и наказание за недоборы, являются прерогативой не местной, воеводской, а центральной власти, в данном случае приказа Устюжской чети.

Весьма важным условием для обеспечения исправного функционирования таможен был своевременный выбор целовальников из числа посадских людей и уездных крестьян. Проведение этих выборов, а также приведение новых целовальников к присяге были возложены на воеводу. В имеющейся литературе данное обстоятельство часто трактуется как свидетельство возможности вмешательства воевод в таможенные дела и, в частности, назначения в таможенную угодных им лиц. Однако рассмотрение директивных документов, направляемых из приказа Устюжской чети головам, показывает, что деятельность воевод в этом отношении должна была носить организационный характер, пригодность же к службе в целовальниках конкретных людей определялась самими таможенными головами, которые в случае несогласия с представленными кандидатурами имели право обратиться в Устюжскую четверть с ходатайством о выборе иных людей. Такие просьбы, исходившие от лиц, непосредственно заинтересованных в высоких деловых качествах своих ближайших помощников, как правило, удовлетворялись.

Центральная власть в лице дьяков Устюжской чети особенно внимательно следила за исправным поступлением в казну всех видов окладных и неокладных налогов, посылая в города специальные грамоты, отдельно воеводам и отдельно таможенным головам, с распоряжениями собирать «с великим раденьем» в первом случае «данные и оброчные» деньги, а во втором таможенные и кабацкие пошлины и бороться с корчемством. Точно так же в два адреса направлялись грамоты с предписаниями взыскивать недоимки по разным категориям сборов. В отношении таких должников и других «ослушников», чем-либо нарушивших правила уплаты пошлин или занимавшихся производством и продажей корчемного вина, таможенным служителям приходилось действовать не только методом убеждения, но и силой, используя для взыскания недоимок или выимки корчемного питья приставов и стрельцов, не находившихся в прямом подчинении у представителей таможенного управления.

В ряде современных исследований подобная практика расценивается как еще один фактор, усиливающий зависимость таможенных

голов от воевод, обладавших реальной полицейской и военной властью. Однако документы Устюжской чети не дают оснований для подобных суждений. Сбор любых недоимок имел для приказа одинаковое значение, и поэтому в случае необходимости привлечения для выполнения соответствующих задач приставов или стрельцов таможенный голова обращался не к воеводе, а непосредственно в Устюжскую четь. В ответ в города посылались две грамоты — самому голове и воеводе. Первому предписывалось взять столько служилых людей, «сколько человек пригож», а второй был обязан, помимо своей воли или желания, обеспечить необходимое число стрельцов. Такое постоянное отправление распорядительных грамот в два адреса не ставило и не могло поставить таможенных голов в позицию подчиненности воеводскому управлению, так как предписания исходили из центрального приказа и были равно обязательны и для одной, и для другой стороны. Более того, воеводы не имели права самостоятельно проводить какие-либо карательные операции, связанные со сбором недоимок по таможенным и кабацким платежам или с конфискацией корчемного вина. Инициатива в таких действиях должна была исходить от лиц таможенного управления, и отряды стрельцов или приставы в периоды взыскания долгов по таможенным пошлинам или напойным деньгам находились в непосредственном подчинении таможенных и кабацких голов или целовальников. Случаи же отказа воевод от предоставления помощи при сборе недоимок должны рассматриваться как нарушение предписаний центрального приказа со стороны отдельных должностных лиц, а отнюдь не как общее правило взаимоотношений представителей двух отраслей власти.

Еще одной сферой соприкосновения воеводского и таможенного управления в городах была выдача денег из сумм таможенных и кабацких пошлин на местные городские нужды — выплата жалованья различным категориям служилых людей и низшим административным чинам, выдача руги церковнослужителям, проведение ремонтных работ, оплата покупок на казенные нужды и т. д. Эта сторона их взаимоотношений также нашла свое отражение в литературе, причем отмечалось, что воеводы при наличии грамот из приказа могли свободно и бесконтрольно забирать у голов необходимые суммы. Тем не менее и в этом случае обращение к данным записной книги позволяет взглянуть на дело несколько иначе.

Практика расходования таможенных сборов на городские нужды была весьма значительной, повсеместной и постоянной, и не случайно значительная часть распоряжений Устюжской чети посвящалась именно этим вопросам. Порядок выдачи денег был следующим: из приказа

посылались две грамоты — воеводе и голове, в воеводской грамоте содержалось указание взять необходимую сумму, а в грамоте в таможенную — выдать эти деньги «ис таможенново и ис кабацково збору». Получив такую грамоту, воевода отправлял в таможенную избу память с указанием цели, на которую предполагалось расходовать запрашиваемые средства, и их величины. Таможенный голова, уже имея, в свою очередь, грамоту из чети, выдавал по воеводской памяти требуемые деньги и должен был обязательно записать их в расходную книгу. При этом в распоряжениях Устюжской чети постоянно подчеркивалась недопустимость со стороны таможенных голов выдачи воеводам денег по их требованиям, не подкрепленным грамотами за приписью дьяков, адресованными из приказа в таможенную.

Таким образом, и в этой сфере взаимоотношений воеводского и таможенного управления трудно найти свидетельства подчиненного положения какой-либо из сторон. Воеводы, даже при наличии грамоты из чети, не могли «сыскать» с таможенного головы деньги без того, чтобы и этот последний не получил соответствующего распоряжения из центрального приказа.

Приведенные выше факты показывают малую обоснованность и еще одного существующего в литературе утверждения: будто воевода являлся связующим звеном между таможенными учреждениями и центральным приказом. Комплексный анализ всего массива исходящих из Устюжской чети документов свидетельствует, что таможенные головы вели самостоятельную переписку с Москвой, получали отсюда грамоты, адресованные непосредственно в таможенную, минуя съезжую избу, и отправляли в столицу свои отписки.

В заключение остановимся на действиях воевод в отношении злоупотреблений таможенных служителей. Воевода как лицо, отвечающее за своевременное поступление всех финансовых сборов со вверенной его управлению территории, должен был не только помогать головам в их работе, но и выяснять причины допущенных недоборов или других злоупотреблений таможенных голов путем проведения, после получения соответствующей грамоты из Устюжской чети, сыска среди различных категорий населения. Результаты сыска воеводы были обязаны сообщать в Москву, однако решение о степени вины и форме наказания в отношении таможенных голов выносилось и осуществлялось только вышестоящим приказом, так как получавшие наказ из Устюжской чети таможенные головы были исключены из судебной юрисдикции городских воевод.

В целом рассмотренный комплекс документов Устюжской чети по финансовому управлению городов не позволяет говорить о существо-

вании юридических норм, свидетельствующих о подчиненности таможенного управления воеводскому. Вместе с тем, как показывают документальные материалы и имеющиеся исследования, позиция равенства двух ветвей власти в городах была крайне непрочной, и в повседневной городской жизни между воеводами и таможенными головами постоянно происходили как столкновения по вопросам объема их должностных полномочий, так и всевозможные злоупотребления, допускавшиеся обеими сторонами. Поэтому выяснение юридической базы взаимоотношений лиц воеводского и таможенного управления является лишь первым шагом на пути изучения реального положения и особенностей деятельности в русских городах XVII в. различных властных структур. Следующим этапом должно стать возможно более полное выявление конфликтных ситуаций и причин возможных отклонений от общих юридических норм, определявшихся местными городскими условиями, личностными характеристиками отдельных должностных лиц и т. д. И, наконец, необходимо, используя имеющиеся многочисленные судебные дела, выяснить отношение, с одной стороны, центральной власти, а с другой — самих заинтересованных сторон, воевод и таможенных и кабацких голов к допускаемым на местах отклонениям от юридической практики, что даст возможность в дальнейшем воссоздать реальную картину взаимоотношения различных отраслей управления в русских городах XVII в.

Примечания

¹ Градовский А. Д. История местного управления. СПб., 1868. Т. 1. С. 172—176, 325—329; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 36; Раздорский А. И. Система таможенных сборов в Курске в XVII веке // Кодекс-Info. 2000. № 4. С. 13.

² Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб., 2000. С. 101.

³ Чичерин Б. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 74—357, 403—448; Захаров В. Н. Таможенное управление в России в XVII в. // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М., 1991. С. 49—76; Шемякин А. И. История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000. С. 51—56.

⁴ РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городские книги). Оп. 1. Устюг, 25; Устюг, 1.

ТАМОЖЕННАЯ СИСТЕМА В ВЯЗЬМЕ В XVII в.* (по данным таможенных книг 1649/50—1679/80 гг.)

Таможенная система, существовавшая в Вязьме в период, предшествовавший таможенной реформе 1653 г., отличалась значительным своеобразием. В 1649—1654 гг. в местной таможене с торгующих взималось 19 видов пошлин: *рублевая, амбарщина, возовое, явка, писчее, херное, соровое, позамочное, отвоз, отгон, отворот, весчее, повечное (повековица), сносное, взбойное, взрезное, счистка, помер, притин*.

Важнейшей среди них, как и в большинстве других русских городов, была *рублевая пошлина* (в тексте источников она называется просто «пошлиной»). Она уплачивалась со стоимости большинства товаров, продававшихся в Вязьме. Ее размер был дифференцированным и зависел от местожительства торговца и вида товара. Местные жители платили рублевую пошлину в размере 1,25 коп. с рубля, торговцы из других русских городов и уездов — 2,5 коп. с рубля, иностранные купцы — 3,5 коп. с рубля. Такое соотношение в исчислении рублевой пошлины было широко распространено, именно в такой пропорции она взималась, например, в курской таможене¹. С так называемых «весчих» товаров — меда, воска, хмеля, пеньки, пороха, ладана, краски, огородных семян, изюма, аниса — рублевая пошлина взималась в повышенном размере: с местных торговцев — по 2,5 коп. с рубля, с иногородних — по 3,5 коп. с рубля, с иностранцев — по 4,5 коп. с рубля.

С денег, явленных на покупку товаров, рублевая пошлина взималась в той же пропорции, что и с не «весчих» товаров. Интересно отметить, что русские купцы, продававшие пушнину в приграничном селе Семлеве, расположенном вблизи Вязьмы, но уже на польской территории (сбором пошлин с торговых операций русских купцов на семлевском рынке ведала вяземская таможня) должны были заплатить рублевую пошлину не только за себя, но и за покупателя. Например, 15 февраля 1652 г. ярославец Семен Пантелеев, привезший в Семлево 3 коробки соболей на 1500 руб., заплатил 37 руб. 50 коп. рублевой пошлины за себя и 53 руб. 50 коп. «за купца с литовских жидов»².

Рублевой пошлине принадлежала ведущая роль в структуре доходов вяземской таможни. Так, в 1649/50 г. с торговых операций, размер

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 01-01-00048а).